

Сказки о Силе

Автор:

Карлос Кастанеда

Сказки о Силе

Карлос Сезар Арана Кастанеда

Из самой магической, самой невероятной книги Кастанеды «Сказки о силе» ты узнаешь, что привычная нам картина мира – лишь крохотный островок тоналя в бесконечном, непознаваемом и не поддающемся никаким формулировкам мире волшебства – нагвале.

В этой книге заканчивается рассказ о непосредственном обучении Кастанеды у дона Хуана. Финал обучения – непостижимый разумом прыжок в пропасть. Карлос и двое других учеников дона Хуана и дона Хенаро, навсегда простившись с Учителями, прыгают с вершины столовой горы. В ту же ночь Учитель и Бенефактор ушли навсегда из этого мира.

Карлос Кастанеда

Сказки о силе

Carlos Castaneda

Tales of Power

* * *

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

Copyright © 1974 by Carlos Castaneda

© ООО Издательство «София», 2014

Об издательстве «София»

С первых дней своего существования «София» четко определила круг «своей литературы» и с тех пор ни разу не изменила своим принципам. С 1991 года в издательстве вышло более полутора тысяч книг по разным направлениям духовного, психического и физического саморазвития. Наша задача – показать возможность самых разнообразных троп единого Пути всем, кто его ищет.

Часть I

Свидетель действия силы

Глава 1

Свидание со знанием

Я не видел дона Хуана несколько месяцев. Была осень 1971 года. Я был уверен, что он гостит у дона Хенаро в Центральной Мексике, и выехал туда, приготовившись к неделе пути. Но проезжая через Сонору к концу второго дня путешествия, я свернул к его дому и вышел из машины. Как ни странно, меня встретил сам хозяин.

– Дон Хуан! – воскликнул я. – Не ожидал тебя здесь найти.

Дон Хуан рассмеялся. Похоже, мое удивление доставило ему удовольствие. Он сидел у двери верхом на пустом молочном бидоне с таким видом, как будто давно меня поджидал. Сняв шляпу, он с шутовской галантностью раскланялся, затем снова надел ее и отдал мне честь по-военному.

- Ну присаживайся, - весело сказал он. - Рад тебя видеть снова.

- А я собирался впустую проделать весь путь до Центральной Мексики, потом мне пришлось бы возвращаться назад в Лос-Анджелес. То, что я нашел тебя здесь, сэкономило мне столько дней пути!

- Так или иначе, ты бы меня нашел, - загадочно произнес он. - Сойдемся на том, что ты должен мне эти шесть дней пути до Центральной Мексики, и ты используешь их на кое-что более интересное, чем нажимать педаль газа в своей машине.

Было что-то необыкновенно привлекательное в его теплой улыбке.

- Где же твой блокнот? - спросил он.

Я сказал, что оставил его в машине, и он велел мне вернуться за ним, поскольку без него я выгляжу сиротливо.

- Я закончил работу над книгой, - сообщил я.

Он пристально посмотрел на меня, так что у меня заныло под ложечкой, словно он чем-то мягким толкал меня в живот. Мне едва не стало дурно, но тут он отвернулся, и все прошло.

Я хотел поговорить о своей новой книге, но он сделал знак, что ему это не интересно, потом заулыбался и тут же втянул меня в беседу о каких-то незначительных вещах. Наконец мне все же удалось перевести разговор на интересующую меня тему. Я упомянул, что просмотрел свои ранние записи и пришел к выводу, что с первого дня нашей встречи получал от него подробное описание мира магов, только мне не совсем понятна роль галлюциногенных растений.

– Почему ты так часто заставлял меня принимать эти растения силы? – спросил я.

Он рассмеялся и еле слышно произнес:

– Потому что ты тупой.

Ответил он достаточно внятно, но я на всякий случай переспросил, будто не расслышал:

– Что-что?

– Сам знаешь что, – оборвал он и встал. – Ты слишком заторможенный, – пояснил он, потрепав меня по голове. – И не было другого способа расшевелить тебя.

– Выходит, в этих растениях не было абсолютной необходимости?

– В твоем случае была. Хотя, конечно, есть и такие, кто в них не нуждается.

Он постоял, вглядываясь в кустарник слева от дома, затем снова сел и заговорил об Элихио, другом своем ученике. Он сказал, что Элихио растения силы понадобились всего один раз, в самом начале обучения, но преуспел он гораздо больше меня.

– Вообще восприимчивость – состояние для некоторых вполне обычное, – сказал дон Хуан. – Но не для тебя. Как, впрочем, и не для меня. В конце концов, восприимчивость – не самое главное.

– А что главное?

Казалось, он подыскивает ответ.

– Главное – это безупречность воина, – сказал он наконец. – Но все это лишь способ говорить, способ ходить вокруг да около. Ты уже выполнил ряд магических задач и, я думаю, достаточно созрел для того, чтобы указать тебе на источник самого главного. Я сказал бы, что для воина самое главное – обрести целостность самого себя.

– Что это значит?

– Я же сказал, что только упомяну о главном. В твоей жизни еще слишком много свободных концов, которые тебе предстоит свести воедино прежде, чем мы сможем поговорить о целостности.

Он жестом оборвал разговор. Кто-то или что-то явно находилось поблизости. Дон Хуан внимательно прислушался, скосив глаза влево так, что стали видны одни белки. Через несколько секунд он встал и, наклонившись ко мне, прошептал на ухо, что нам нужно пойти на прогулку.

– Что-то не так? – спросил я шепотом.

– Нет, все так. Все о'кей.

Мы направились в пустынный чапараль и примерно через полчаса вышли на небольшой, футов двенадцати в диаметре участок ссохшейся красноватой почвы, идеально утрамбованный и плоский, причем без каких-либо следов механической обработки. Дон Хуан сел в центре этого круга, лицом на юго-восток, велел мне сесть напротив, лицом к нему.

– Что мы здесь будем делать? – спросил я.

– Здесь у нас сегодня вечером свидание, – ответил дон Хуан. Он окинул взглядом окрестности и вновь стал смотреть на юго-восток. Его действия встревожили меня. Я спросил, с кем будет свидание.

– Со знанием, – ответил он. – Можно сказать, что знание кружит вокруг нас.

Не дав мне ухватиться за столь загадочный ответ, он быстро сменил тему и весело предложил мне быть естественным, то есть писать и говорить так, словно мы находимся у него дома. В то время меня особо занимало яркое переживание, испытанное мною полгода назад, – «разговор с койотом». Тогда я впервые сумел самостоятельно визуализировать магическое описание мира, в котором разговор с животными был в порядке вещей.

– Мы не будем рассуждать о подобных опытах, – сказал дон Хуан, когда я закончил. – Не стоит индальгировать, фокусируя внимание на прошедших событиях. Мы можем касаться их, но только для примера.

– Почему, дон Хуан?

– У тебя еще недостаточно личной силы для поиска объяснения магов.

– Значит, существует объяснение магов?

– Конечно. Маги тоже люди. Мы – создания мысли. Мы ищем разъяснений.

– А я-то был уверен, что поиск объяснений – это и есть мой главный недостаток.

– Нет. Твой недостаток – в поиске подходящих объяснений, которые вписывались бы в твой мир. Я возражаю именно против твоей рассудочности. Маг тоже объясняет вещи в своем мире, но он не такой твердолобый, как ты.

– Как могу прийти к объяснению магов я?

– Накапливая личную силу, ты придешь к нему естественным образом. Но объяснение магов – это не то, что понимаешь под объяснением ты. И все же оно делает мир и его чудеса если не ясными, то по крайней мере не столь устрашающими. Именно это должно быть сущностью объяснения. Но это не то, что ты ищешь. Ты ищешь только отражения собственных идей.

Я устал от своих же вопросов. Однако улыбка дона Хуана подталкивала к продолжению разговора. Для меня была очень важна еще одна тема – его друг дон Хенаро и то странное воздействие, которое оказывали на меня его поступки. Каждая встреча с ним сопровождалась совершенно неопишным расстройством всех моих органов чувств. Услышав мой вопрос, дон Хуан рассмеялся.

– Хенаро поразителен, – сказал он. – Но пока нет смысла говорить о нем или о его воздействии на тебя. Для этой темы у тебя еще недостаточно личной силы. Подожди, когда она у тебя будет, тогда и поговорим об этом.

– А если у меня ее не будет никогда?

- Если ее у тебя никогда не будет, значит, мы никогда и не поговорим.

- Но когда же она у меня появится при моих-то темпах продвижения?

- Это зависит от тебя. Я дал тебе все необходимые знания. Теперь ты сам отвечаешь за накопление достаточной личной силы, чтобы суметь потрогать чешуйки.

- Ты говоришь метафорами, - сказал я. - Скажи лучше прямо, что мне делать. А если ты мне это уже говорил, то давай предположим, что я забыл.

Дон Хуан усмехнулся и лег, заложив руки за голову.

- Ты прекрасно знаешь, что тебе нужно, - сказал он.

Я ответил, что и мне порой так кажется, но обычно я не уверен в себе.

- Боюсь, что ты путаешь понятия, - сказал он. - Уверенность в себе воина и самоуверенность обычного человека - это разные вещи. Обычный человек ищет признания в глазах окружающих, называя это уверенностью в себе. Воин ищет безупречности в собственных глазах и называет это смирением. Обычный человек цепляется за окружающих, а воин рассчитывает только на себя. Похоже, что ты гоняешься за радугой вместо того, чтобы стремиться к смирению воина. Разница между этими понятиями огромна. Самоуверенность означает, что ты знаешь что-то наверняка; смирение воина - это безупречность в поступках и чувствах.

- Я все время пытаюсь жить по твоим советам, - сказал я. - Может быть, у меня не всегда все получается, но я делаю все, что могу. Можно ли назвать это безупречностью?

- Нет. Ты должен делать нечто большее. Ты должен постоянно превосходить самого себя.

- Но ведь это безумие, дон Хуан. На это никто не способен.

– Есть масса естественных для тебя вещей, которые лет десять назад показались бы тебе безумием. Эти вещи не изменились. Изменилось твое представление о себе. Невозможное тогда стало вполне возможным сейчас. Не исключено, что твой полный успех в изменении себя – всего лишь вопрос времени. В этом отношении единственно возможный для воина курс – это действовать неуклонно, не оставляя места для отступления. Ты достаточно знаешь о пути воина, чтобы поступать должным образом, но тебе мешают старые привычки и нелепый распорядок жизни.

Мне показалось, что я понял его.

– Ты считаешь, что записывание – это одна из моих старых привычек, от которой я должен избавиться? Может, мне уничтожить мою новую рукопись?

Вместо ответа он поднялся и посмотрел на край чапарала. Я сказал, что получил много писем от читателей, которые уверяли меня, что нельзя писать о своем ученичестве. Они ссылались на то, что учителя восточных эзотерических учений требуют соблюдения абсолютной тайны.

– Может, эти учителя просто индальгируют[1 - Indulge (англ.) – быть снисходительным, потворствовать, потакать себе, оправдывать и т. п. Термин сохранен в связи с его огромной емкостью и невозможностью точного перевода.] в том, что они учителя? – сказал дон Хуан, не глядя на меня. – Я не учитель. Я всего лишь воин. Поэтому я понятия не имею, что чувствует учитель.

– Дон Хуан, может быть, я действительно напрасно раскрываю некоторые вещи?

– Неважно, что именно человек раскрывает или удерживает при себе, – ответил он. – Что бы мы ни делали и кем бы ни являлись – все это основывается на нашей личной силе. Если ее достаточно, то всего одно сказанное нам слово может изменить нашу жизнь. А если ее мало, то пусть даже будут раскрыты все сокровища мудрости – это ничего нам не даст.

Он понизил голос, словно собирался поведать мне нечто сокровенное.

– Я хочу доверить тебе величайшее знание, – сказал он. – Посмотрим, сумеешь ли ты им распорядиться. Знаешь ли ты, что в это мгновение ты окружен вечностью? И что этой вечностью ты можешь воспользоваться, если пожелаешь?

Он выжидающе посмотрел на меня, едва заметными движениями глаз подталкивая к ответу. После длинной паузы я сказал, что не понимаю, о чем идет речь.

– Вон там! Вечность – там! – произнес он, указывая на горизонт. Затем – прямо вверх: – Или там. А можно сказать и так: вечность – это нечто здесь и здесь... – И он раскинул руки в стороны, указывая на запад и восток.

Мы посмотрели друг на друга. В его глазах был вопрос.

– Что ты на это скажешь? – требовательно спросил дон Хуан.

Я не знал, что ответить.

– Знаешь ли ты, что можешь вечно расширять свои границы в любом из указанных мною направлений? – продолжал он. – Знаешь ли ты, что одно мгновение может быть вечностью? Это не загадка; это факт, но только если ты оседлаешь это мгновение и используешь его, чтобы унести с собой свою целостность навсегда и в любом направлении.

Он смотрел на меня.

– У тебя раньше не было этого знания, – сказал он, улыбнувшись. – Теперь я открыл его тебе, но что это изменило? Пока у тебя все равно недостаточно личной силы, чтобы им воспользоваться, иначе моих слов хватило бы тебе, чтобы собрать свою целостность и направить ее на прорыв собственных границ.

Он подошел ко мне и постучал костяшками пальцев по моей груди.

– Вот границы, о которых я говорю, – сказал он. – Можно выйти за них. Мы – это чувство, сознание, заключенное здесь.

Он хлопнул меня по плечам обеими руками, да так, что мой блокнот и карандаш полетели на землю. Дон Хуан наступил на блокнот и, смеясь, смотрел на меня.

Я спросил его, не возражает ли он против моих заметок. Он сказал, что нет, и убрал ногу.

– Мы – светящиеся существа, – сказал он, ритмично покачивая головой. – А для светящихся существ значение имеет только личная сила. Но если ты спросишь меня, что такое личная сила, я отвечу, что этого мои объяснения тебе не объяснят.

Дон Хуан взглянул на запад и сказал, что до заката еще несколько часов.

– Мы пробудем здесь долго, – объяснил он. – Можно сидеть тихо или разговаривать. Для тебя молчать – неестественно, поэтому продолжим беседу. Это место является местом силы, и поэтому мы должны воспользоваться им до наступления ночи. Сиди как можно естественней, не напрягайся и не бойся. Похоже, что тебе легче всего расслабиться, делая заметки. Поэтому пиши, сколько душе угодно. А теперь расскажи мне о своем сновидении.

Этот внезапный переход застал меня врасплох. Дон Хуан повторил свою просьбу.

На эту тему можно было говорить долго. Сновидения предполагали культивирование контроля над снами до такой степени, что опыт, приобретенный в них, становился равнозначным опыту бодрствования. По мнению магов, при практике сновидения обычный критерий различия между сном и реальностью становится недействительным. Эта практика, как учил дон Хуан, сводилась к упражнению, в котором требовалось найти свои руки во сне.

После нескольких лет тренировок я сумел наконец сделать это. Теперь я понимаю, что добился успеха лишь потому, что научился в какой-то степени контролировать мир своей повседневной жизни. Дон Хуан хотел знать все детали. Я рассказал ему, как часто бывает непреодолимо трудно дать самому себе команду смотреть на руки. Он предупредил меня, что даже начальный этап подготовительной работы, называемый им «настройкой сновидения», – это смертельная игра, в которую разум человека играет сам с собой, и какая-то часть меня будет делать все возможное, чтобы воспрепятствовать выполнению этой задачи.

По словам дон Хуана, это могли быть размышления о бессмысленности такого занятия, меланхолия или даже депрессия с суицидальными тенденциями. Я,

однако, так далеко не зашел. В моем опыте преобладала комическая сторона. И все же результат был неизменно отрицательным. Всякий раз, когда я собирался взглянуть во сне на свои руки, случалось что-то необычное. То я начинал летать, то мой сон переходил в кошмар, а то и просто появлялось чувство очень приятного возбуждения. Все это своей живостью выходило за рамки «нормального» сна, поэтому вырваться было очень трудно. В таких ситуациях мое первоначальное намерение увидеть свои руки обычно забывалось.

И вот однажды ночью я совершенно неожиданно нашел свои руки во сне. Мне снилось, что я иду по улице какого-то города и вдруг поднимаю руки к лицу. Казалось, что-то внутри меня сдалось и позволило мне увидеть тыльную сторону своих ладоней. Дон Хуан предупреждал меня, что, как только образ моих рук станет расплываться или меняться на что-то другое, я должен перевести взгляд с них на любой другой предмет. В этом сне я перенес внимание на здание в конце улицы. Когда вид этого здания тоже начал туманиться, я сфокусировал внимание на других элементах сна. В результате получилась ясная и четкая картина пустынной улицы в каком-то неизвестном городе.

Дон Хуан расспрашивал меня о других опытах сновидения. Мы беседовали довольно долго. Под конец моего отчета он встал и направился к кустам. Поднялся и я. Я нервничал. Это было ничем не обоснованное чувство, так как для страха или тревоги не было никаких оснований. Вскоре дон Хуан вернулся. Он заметил мое возбуждение.

– Успокойся, – сказал он, мягко сжав мою руку. Усадив меня, он положил мне на колени блокнот и велел писать. Он сказал, что я не должен беспокоить место силы ненужными вибрациями страха или нерешительности.

– Почему я так разнервничался? – спросил я.

– Это естественно, – сказал он. – Твоя деятельность в сновидениях угрожает чему-то в тебе самом. Пока ты о ней не думал, с тобой было все в порядке. Но теперь, раскрыв свои действия, ты готов упасть в обморок. У каждого воина свой собственный способ сновидения. Все они различны. Объединяют нас только уловки, направленные на то, чтобы заставить себя отступить. Единственный выход – это продолжение опытов, несмотря на все преграды и разочарования.

Затем он спросил, могу ли я выбирать тему для сновидения. Я ответил, что даже не представляю, как это делается.

– Объяснение магов относительно выбора темы для сновидения заключается в следующем, – сказал дон Хуан. – Воин выбирает тему сознательно, прервав внутренний диалог и удерживая образ в голове. Иными словами, если он сможет на какое-то время прервать беседу с самим собой, а затем, пусть даже на мгновение, удержать мысль о желаемом в сновидении образе, он увидит то, что ему нужно. Я уверен, что ты это сделал, хотя и неосознанно.

После длинной паузы дон Хуан начал принюхиваться. Похоже было, что он прочищает нос. Несколько раз он с силой выдохнул, при этом мышцы его живота сокращались рывками, в такт коротким отрывистым вдохам.

– Хватит говорить о сновидениях, – сказал он. – Это может стать у тебя манией. Если в чем-то и можно добиться успеха, то он должен приходить легко, пусть даже с какими-то усилиями, но без потрясений и навязчивых идей.

Он встал, подошел к кустарнику и начал всматриваться в листву. Было похоже, что он пытается что-то увидеть там, стараясь не подходить слишком близко.

– Что ты там делаешь? – спросил я, не в силах сдержать любопытство.

Он повернулся ко мне и с улыбкой поднял брови.

– В кустах много странных вещей, – сказал он и снова сел.

Его спокойный тон испугал меня еще больше, чем если бы он внезапно закричал. Я выронил карандаш. Он засмеялся, повторив мои движения, и сказал, что преувеличенные реакции являются одним из свободных концов, все еще существующих в моей жизни. Я хотел поговорить на эту тему, но он не позволил.

– Осталось совсем немного дневного времени, – сказал он. – Есть более важные вещи, которые мы должны обсудить до наступления сумерек.

Он добавил, что, судя по моим успехам в сновидении, я, видимо, научился останавливать внутренний диалог по своему желанию. Я подтвердил это.

В начале нашего знакомства дон Хуан предлагал мне для этого другую технику: подолгу ходить с расфокусированными глазами, пользуясь только боковым зрением. Он утверждал, что если удерживать расфокусированные глаза на точке чуть выше горизонта, то получаешь почти полный 180-градусный обзор. Он настаивал, что это упражнение является единственным способом остановки внутреннего диалога. Поначалу он расспрашивал меня о моих успехах, но вскоре перестал интересоваться этим.

Я сказал ему, что применял эту технику в течение нескольких лет, но без особого эффекта. Впрочем, я и не ожидал никаких изменений. Каково же было мое потрясение, когда однажды я понял, что за последние десять минут не сказал самому себе ни единого слова!

Тогда же я понял, что остановка внутреннего диалога – это не просто удерживание слов, произносимых самому себе. Весь процесс моего мышления остановился, и я ощутил себя как бы парящим.

Чувство паники, вызванное этим состоянием, заставило меня в качестве противоядия восстановить свой внутренний диалог.

– Я говорил тебе, что именно внутренний диалог прижимает нас к земле, – сказал дон Хуан. – Мир для нас такой-то и такой-то или этакий и этакий лишь потому, что мы сами себе говорим о нем, что он такой-то и такой-то или этакий и этакий.

Дон Хуан объяснил, что вход в мир магов открывается лишь после того, как воин научится останавливать свой внутренний диалог.

– Ключом к магии является изменение нашей идеи мира, – сказал он. – Остановка внутреннего диалога – единственный путь к этому. Все остальное – просто разговоры. Пойми – все, что ты сделал, за исключением остановки внутреннего диалога, ничего не смогло изменить ни в тебе самом, ни в твоей идее мира. Суть в том, что такое изменение не может быть вызвано силой. Вот поэтому учитель и не обрушивается на своих учеников. Это привело бы их лишь к депрессии и навязчивым идеям.

Он попросил подробно рассказать и о других случаях остановки внутреннего диалога, которые у меня были. Я рассказал все, что мог вспомнить.

Мы беседовали долго. Стемнело, и я не мог больше говорить и записывать одновременно. Заметив это, дон Хуан рассмеялся. Он сказал, что я выполнил еще одну задачу магии – писал, не концентрируясь на этом. В этот момент я осознал, что до сих пор совершенно не уделял никакого внимания процессу записывания. Казалось, это была отдельная деятельность, с которой я не имел ничего общего. Я был озадачен. Дон Хуан попросил меня сесть рядом с ним в центре круга. Он сказал, что наступили сумерки и мне опасно сидеть так близко к кустам. Я невольно вздрогнул и придвинулся к нему.

Он велел мне сесть лицом к востоку, успокоиться и остановить внутренний диалог. Но я был слишком возбужден, чтобы сделать это. Дон Хуан повернулся ко мне спиной, предложив опереться на его плечо. Он сказал, что я должен остановить свои мысли, а затем повернуть лицо к кустам на юго-востоке и не закрывать глаза. Загадочным тоном он добавил, что от решения поставленной передо мной задачи зависит, буду ли я готов к восприятию новой грани мира магов.

Я робко спросил о природе этой задачи. Он мягко усмехнулся. Я ждал его ответа, но затем что-то во мне как бы переключилось, и я почувствовал себя парящим. Казалось, из моих ушей вынули затычки, и сразу же стали слышны бесчисленные шумы чапаралья. Их было так много, что они сливались в сплошной гул. Я почти задремал, как внезапно что-то привлекло мое внимание. Мой мыслительный процесс при этом был отключен. Я как будто не заметил ничего особенного вокруг, но мое сознание явно было чем-то захвачено. Я проснулся окончательно. Мои глаза были сфокусированы на пятне у края чапаралья, но я не смотрел, не думал и не говорил сам с собой. Это было чисто телесным ощущением. Слов не требовалось. Я чувствовал, что прорываюсь через что-то неопределенное. Может быть, прорывалось то, что в обычном состоянии было моими мыслями. Во всяком случае, в моих ощущениях было что-то вроде снежного обвала – что-то, центром чего был я, рушилось. Я почувствовал жжение в животе. Что-то тянуло меня в чапараль. Я видел темную массу кустов перед собой. Но это не было сплошным темным пятном. Я мог видеть каждый куст, как если бы смотрел на них в ранних сумерках. Казалось, что они двигаются. Их листва напоминала черные юбки, которые нес ко мне ветер. Но ветра не было. Я погрузился в их гипнотизирующее движение. Какая-то пульсирующая сила подтягивала их все ближе и ближе ко мне. Потом на фоне очертаний кустов появился более светлый силуэт. Я сфокусировал глаза сбоку от него и смог различить в нем слабое сияние. Не фокусируясь, я взглянул прямо на него. Появилась уверенность, что светлый силуэт – это человек, прячущийся под кустами.

В этот момент я находился в крайне необычном состоянии. Я осознавал и окружающее, и процесс мышления, который оно во мне вызывало. Но я не мог думать так, как обычно. Например, когда я понял, что силуэт, наложенный на кусты, – человек, я вспомнил другой подобный случай. Однажды во время ночной прогулки с доном Хенаро я заметил, что позади нас в кустах прячется человек. Но как только я попытался рационально объяснить это явление, человек исчез из виду. Однако в этот раз я почувствовал себя хозяином положения и отказался не только объяснять что-либо, но и думать вообще. В какой-то момент у меня появилось чувство, что я могу удержать человека и заставить его оставаться на месте. Затем я ощутил странную боль в центре живота. Казалось, что-то вырывается из меня, и я уже не мог держать напряженными мышцы брюшного пресса. Как только я сдался, темный силуэт громадной птицы или какого-то летающего существа бросился на меня из чапарала. Было похоже, что человек превратился в птицу. У меня появилось ясно осознанное восприятие страха. Я ахнул и с громким криком опрокинулся на спину. Дон Хуан помог мне подняться. Его лицо было вровень с моим. Он смеялся.

– Что это было? – закричал я.

Он прикрыл мне рот рукой и прошептал в самое ухо, что нам нужно покинуть это место спокойно и собранно, словно ничего не произошло. Мы шли бок о бок. Его походка была спокойной и размеренной. Пару раз он быстро оглянулся. Я сделал то же самое и дважды уловил какую-то темную массу, которая, казалось, следовала за нами. Позади я услышал громкий и какой-то неземной крик. На мгновение меня охватил ужас. По мышцам живота прошли судороги. Они начались спазматически, и их интенсивность росла до тех пор, пока они буквально не заставили мое тело бежать.

Применяя терминологию дона Хуана, о моей реакции можно сказать, что мое тело под воздействием испуга выполнило «бег силы» – особую технику передвижения в темноте, которой он обучал меня несколькими годами ранее.

Я действовал почти бессознательно и внезапно обнаружил себя в доме дона Хуана. Очевидно, он следовал за мной, и мы прибежали одновременно. Он зажег керосиновую лампу, поставил ее на потолочную балку и спокойно сказал, чтобы я сел и расслабился.

Некоторое время я бежал на месте, пока немного не успокоился. Затем я сел. Он подчеркнуто потребовал, чтобы я вел себя так, словно ничего не случилось, и вручил мне мой блокнот. В спешке я и не заметил, что обронил его.

– Что там произошло, дон Хуан?

– У тебя было свидание со знанием, – сказал он, указывая движением подбородка на темный край чапарала. – Я повел тебя туда потому, что еще раньше уловил отблеск знания, бродившего вокруг дома. Ты можешь считать, что знание знало о твоём приезде и ждало тебя здесь. Но я предпочел встретиться с ним не здесь, а на месте силы. Затем я проверил, достаточно ли у тебя личной силы, чтобы отличить знание от остальных вещей вокруг нас. Ты сделал все прекрасно.

– Минуточку! – запротестовал я. – Я видел силуэт человека, прячущегося за кустами, а затем видел огромную птицу.

– Ты не видел человека! – сказал он с ударением. – Не видел ты и птицу. И силуэт в кустах, и то, что полетело к нам, – это была бабочка. Если ты хочешь быть точным в терминологии магов и не боишься оказаться смешным в своей собственной, то можешь сказать, что сегодня у тебя было свидание с бабочкой. Знание – это бабочка.

Он пристально посмотрел на меня. Свет лампы отбрасывал причудливые тени на его лицо. Я отвел глаза.

– Возможно, сегодня ночью у тебя будет достаточно личной силы для решения этой загадки, – сказал он. – Если не сегодня, то, может быть, завтра. Не забывай – ты должен мне еще шесть дней.

Дон Хуан поднялся и пошел на кухню в задней части дома. Он взял лампу и поставил ее у стены на короткий круглый чурбан, который использовал как табурет. Мы сели на пол друг против друга и поели бобов с мясом из горшка, который он поставил между нами. Ели мы молча.

Время от времени он искоса поглядывал на меня и, казалось, готов был рассмеяться. Его глаза были прищурены. Когда он смотрел на меня, то слегка приоткрывал их, и влага в уголках отражала свет. Казалось, он использовал свет

лампы для того, чтобы создавать зеркальные отражения. Он играл с этим, почти незаметно покачивая головой всякий раз, когда останавливался на мне взгляд. В результате возникала захватывающая игра света. Я осознал его маневры лишь после того, как он использовал их пару раз. Я был убежден, что он делает это с определенной целью, и мне показалось важным спросить его об этом.

– Для этого у меня есть веская причина, – заверил он меня. – Я успокаиваю тебя своими глазами. Ты ведь уже больше не нервничаешь, правда?

Я должен был признать, что чувствую себя очень хорошо. Мелькание света в его глазах не было угрожающим и ни в коем случае не раздражало и не пугало.

– Как ты успокаиваешь меня глазами? – спросил я.

Он повторил незаметное покачивание головой. Его глаза на самом деле отражали свет лампы.

– Попробуй сделать это сам, – небрежно сказал он и положил мне еще еды. – Ты сможешь успокаивать себя без моей помощи.

Я попробовал покачать головой, но мои движения были неестественными и неуклюжими.

– Просто болтая головой, ты себя не успокоишь. Скорее заработаешь головную боль. Секрет состоит не в качании головой, а в том чувстве, которое приходит к глазам из области внизу живота. Именно оно заставляет голову качаться.

Он потер свой живот.

После еды я прислонился к куче дров, накрытых пустыми мешками, и попытался имитировать его покачивания головой. Дон Хуан от души забавлялся, смеясь и хлопая себя по ляжкам.

Затем его смех прервался. Я услышал странный глубокий звук, похожий на постукивание по дереву. Он исходил из чапарала. Дон Хуан вскинул голову, сделав мне знак быть внимательным.

– Это маленькая бабочка зовет тебя, – сказал он бесстрастно.

Я вскочил. Звук тотчас прекратился. Я посмотрел на дона Хуана в поисках объяснений, но он сделал комический жест беспомощности, пожав плечами.

– Ты еще не закончил своего свидания, – добавил он. Я сказал, что не чувствую себя достойным, что лучше уеду домой и вернусь, когда буду сильнее.

– Ты говоришь ерунду, – сказал он. – Воин берет свою судьбу, какой бы она ни была, и принимает ее в абсолютном смирении. Он в смирении принимает себя таким, каков он есть, но не как повод для сожаления, а как живой вызов.

Каждому из нас требуется время, чтобы понять это и сделать своим достоянием. Я когда-то ненавидел само слово «смирение». Я – индеец, а мы, индейцы, всегда были смиренны и только и делали, что опускали головы. Я думал, что смирению не по пути с воином. Я ошибался. Сейчас я знаю, что смирение воина и смирение нищего – невероятно разные вещи. Воин ни перед кем не опускает голову, но в то же время он никому не позволяет опускать голову перед ним. Нищий, напротив, падает на колени и шляпой метет пол перед тем, кого считает выше себя. Но тут же требует, чтобы те, кто ниже его, мели пол перед ним.

Вот почему я сегодня сказал тебе, что не знаю, что чувствуют учителя. Я знаю только смирение воина. Оно никогда не позволяет мне быть чьим-то учителем.

Мы некоторое время молчали. Его слова глубоко взволновали меня. Я был тронут ими, но в то же время мне не давало покоя увиденное в чапарале. Про себя я решил, что дон Хуан явно что-то скрывает и на самом деле вполне осведомлен о происходящем. Я ушел в эти размышления, но тот же странный звук вдруг вывел меня из задумчивости. Дон Хуан усмехнулся.

– Ты любишь смирение нищего, – тихо сказал он. – Ты склоняешь голову перед разумом.

– Мне вечно кажется, что меня разыгрывают, – сказал я. – Это моя основная проблема.

- Ты прав, тебя разыгрывают, - заметил он с обезоруживающей улыбкой. - Но твоя проблема не в этом. На самом деле ты считаешь, будто я сознательно тебя обманываю. Так ведь?

- Да, что-то мне не позволяет поверить в реальность происходящего.

- Ты опять прав. Ничто из происходящего не является реальным.

- Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан?

- Вещи становятся реальными лишь тогда, когда ты научился соглашаться с их реальностью. Например, то, что произошло сегодня ночью, вряд ли может быть для тебя реальным, потому что никто тебя в этом не поддержит.

- Ты хочешь сказать, что ничего не видел?

- Конечно видел, но я не в счет. Вспомни - я тот, кто тебя обманывает.

Дон Хуан смеялся, пока не закашлялся. Его смех был дружеским, хотя смеялся он явно надо мной.

- Не принимай близко к сердцу чушь, которую я несу, - сказал он ободряюще. - Я просто стараюсь расслабить тебя, зная, что ты чувствуешь себя в своей тарелке, только когда выбит из колеи.

Его выражение было рассчитанно комичным, так что мы оба расхохотались. После некоторой паузы я вдруг понял, что эти слова только еще больше испугали меня.

- Ты боишься меня? - спросил он.

- Не тебя, а того, что ты приносишь с собой.

- Я приношу с собой свободу воина. Ты этого боишься?

– Нет, но твое знание слишком устрашающе. В нем нет для меня утешения. Нет гавани для приюта.

– Ты опять все путаешь. Утешение, гавань, страх – все это настроения, которым ты научился, даже не спрашивая об их ценности. Как видно, черные маги уже завладели всей твоей преданностью.

– Кто такие черные маги?

– Окружающие нас люди являются черными магами. А поскольку ты с ними, то ты тоже черный маг. Задумайся на секунду, можешь ли ты уклониться от тропы, которую они для тебя проложили? Нет. Твои мысли и поступки навсегда зафиксированы в их терминологии. Это рабство. А вот я принес тебе свободу. Свобода стоит дорого, но цена не невозможна. Поэтому бойся своих тюремщиков, своих учителей. Не трать времени и сил, боясь меня.

Я знал, что он был прав. Но несмотря на мое искреннее согласие с ним, я знал, что привычки моей жизни обязательно заставят меня тянуться к моей старой тропе. Я и в самом деле был рабом.

После долгого молчания дон Хуан спросил меня, достаточно ли у меня силы, чтобы еще раз столкнуться со знанием.

– Ты хочешь сказать – с бабочкой? – спросил я шутя.

Он согнулся от смеха, словно я только что сказал самую смешную вещь в мире.

– Что ты в действительности имеешь в виду, когда говоришь, что знание – это бабочка? – спросил я.

– Я ничего другого не имею в виду, – ответил он. – Бабочка есть бабочка. Я думал, что к настоящему времени у тебя со всеми твоими достижениями будет достаточно силы, чтобы видеть. Вместо этого ты всего лишь мельком заметил человека, а это не было истинным видением.

В самом начале моего ученичества дон Хуан ввел концепцию видения как особой способности, которая позволяет воспринимать истинную природу вещей и

которую можно развить. За годы нашего общения у меня сложилось впечатление, что так называемое «видение» является интуитивным восприятием или же способностью понимать что-то целиком и мгновенно или, возможно, способностью насквозь видеть человеческие поступки и выявлять скрытые значения и мотивы.

– Сегодня вечером, когда ты впервые встретился с бабочкой, ты наполовину смотрел, наполовину видел, – сказал дон Хуан. – В этом состоянии, хотя ты и не был обычным самим собой, но тем не менее смог вполне сознательно управлять своим знанием мира.

Дон Хуан остановился и взглянул на меня. Сначала я не знал, что сказать.

– Как я управлял знанием мира? – спросил я наконец.

– Твое знание мира сказало тебе, что в кустах можно найти только подкрадывающихся животных или людей, прячущихся за листвой. Ты удержал эту мысль. Естественно, что тебе пришлось найти способ удержать мир таким, чтобы он отвечал этой мысли.

– Но я вообще не думал, дон Хуан.

– Тогда не будем называть это думанием. Скорее, это привычка видеть мир соответствующим нашему представлению о нем. Когда это не так, мы просто делаем его соответствующим. Бабочки, большие, как человек, не могут быть даже мыслью. Поэтому для тебя то, что находилось в кустах, должно было быть человеком.

То же самое случилось с койотом. Твои старые привычки определили природу и этой встречи. Что-то произошло между тобой и койотом, но это был не разговор. Я сам бывал в такой переделке. Я тебе рассказывал, как однажды говорил с оленем. Но ни ты, ни я никогда уже не узнаем, что происходило в этих случаях на самом деле.

– О чем ты говоришь, дон Хуан?

– Когда мне стало понятным объяснение магов, было уже слишком поздно узнавать, что именно сделал для меня олень. Я сказал, что мы разговаривали, но это было не так. Сказать, что между нами состоялась беседа, – лишь способ расставить все по местам так, чтобы я мог рассказать об этом. Олень и я что-то делали, но в это время мне нужно было заставить мир соответствовать моим идеям, совершенно так же, как это сделал ты. Как и ты, я всю жизнь разговаривал. Поэтому мои привычки взяли верх и распространились на оленя. Когда олень подошел ко мне и сделал то, что он сделал, я был вынужден понимать это как разговор.

– Это объяснение магов?

– Нет, это мое объяснение тебе. Но оно не противоречит объяснению магов.

Его объяснение вызвало у меня состояние огромного умственного возбуждения. На некоторое время я не только забыл о крадущейся бабочке, но даже перестал записывать. Я попытался перефразировать его заявление, и мы ушли в длинные рассуждения относительно рефлексивной природы нашего мира. Мир, по словам дона Хуана, должен соответствовать его описанию. Это описание отражает само себя.

Еще одним аспектом его объяснения была идея, что мы научились соотносить себя с нашим описанием мира в соответствии с тем, что он назвал «привычками». Я привел более обширный термин «преднамеренность» – как свойство человеческого сознания, посредством которого соотносятся с объектом или его истолковывают.

В ходе разговора мы пришли к интересному выводу. После объяснений дона Хуана наш «разговор» с койотом приобрел новые черты. Я действительно намеренно вызвал диалог, поскольку никогда не знал другого пути намеренной коммуникации. Я преуспел в том, чтобы заставить и его отвечать описанию, соответственно которому общение происходит через диалог. Таким образом я заставил описание отразиться.

Я чувствовал огромный подъем. Дон Хуан засмеялся и сказал, что быть до такой степени тронутым словами – это другой аспект моей глупости. Он забавным жестом изобразил немой разговор.

– Мы все проходим через одну и ту же ерунду, – сказал он после длинной паузы. – Единственный способ преодолеть ее – это продолжать действовать как воин. Остальное придет само собой и через себя самого.

– А что остальное, дон Хуан?

– Знание и сила. Люди знания обладают и тем, и другим. Но как они их приобрели, не сможет сказать никто. Единственное, что можно утверждать, – они неуклонно действовали как воины, и в какой-то момент все изменилось.

Он посмотрел на меня. Казалось, он был в нерешительности. Затем он встал и сказал, что у меня нет иного выхода, как продолжить свое свидание со знанием.

Я ощутил озноб. Сердце начало колотиться. Я поднялся. Дон Хуан обошел вокруг меня, как бы рассматривая мое тело под всеми возможными углами. Он сделал мне знак сесть и продолжать писать.

– Если будешь слишком испуган, ты не сможешь провести свое свидание. Воин должен быть спокоен и собран и никогда не должен ослаблять своей хватки.

– Я действительно испуган, – сказал я. – Бабочка или не бабочка, но что-то там ползает по кустам.

– Конечно, это она! – воскликнул он. – Я возражаю против того, что ты настаиваешь на восприятии ее как человека, точно так же как ты настаивал на восприятии разговора с койотом.

Какая-то часть меня полностью поняла, что он хочет сказать. Но был и другой аспект меня самого, который не желал отступить и, вопреки очевидному, накрепко вцепился в рассудок.

Я сказал дону Хуану, что его объяснения не удовлетворяют мои чувства, хотя интеллектуально я полностью согласен с ним.

– В этом слабая сторона слов, – сказал он ободряюще. – Они заставляют нас чувствовать себя осведомленными, но, когда мы оборачиваемся, чтобы взглянуть на мир, они всегда предают нас и мы опять смотрим на мир как

обычно, без всякого просветления. Поэтому маг предпочитает действовать, а не говорить. В результате он получает новое описание мира, в котором разговоры не столь важны, а новые поступки имеют новые отражения.

Он сел рядом, посмотрел мне в глаза и попросил рассказать о том, что я действительно видел в чапарале.

На секунду меня охватило чувство полной неопределенности. Я видел темную фигуру человека, но видел и то, как эта фигура превратилась в птицу. Таким образом, я видел больше, чем мой разум позволял мне считать вероятным. Но что-то во мне сопротивлялось возможности совершенно отбросить разум. Я предпочел выбрать отдельные детали моего опыта, такие, как размеры и общие очертания темной фигуры, и, удерживая их как разумную возможность, предпочел проигнорировать другие. Например, то, что темная фигура превратилась в птицу. Таким образом я убедил себя, что видел человека.

Когда я рассказал о своем затруднении, дон Хуан расхохотался. Он сказал, что рано или поздно объяснение магов придет мне на помощь. И тогда все станет совершенно ясным без необходимости быть разумным или неразумным.

– А пока все, что я могу для тебя сделать, – гарантировать, что это был не человек.

Взгляд дон Хуана стал беспокоящим. Я почувствовал себя неуютно и занервничал.

– Я ищу отметки на твоём теле, – объяснил он. – Может, ты этого и не знаешь, но сегодня вечером мы побывали в хорошей переделке.

– Что за отметки ты ищешь?

– Не физические отметки, а знаки, указания на твоих светящихся волокнах, области особого свечения. Мы – светящиеся существа, и все, что мы делаем и чувствуем, бывает видно в наших волокнах. У людей есть яркость, свойственная только им. Это единственный способ отличить их от других светящихся существ.

Если бы ты видел сегодня вечером, то заметил бы, что фигура в кустах не была светящимся живым существом.

Я хотел продолжить расспросы, но он приложил руку к моим губам и прошептал, чтобы я прислушался и попытался услышать тихое шуршание, мягкие приглушенные шаги бабочки по сухим листьям и веткам на земле.

Я ничего не слышал. Дон Хуан резко встал, взял лампу и сказал, что мы перейдем под рамаду. Он вывел меня через черный ход и обвел вокруг дома по краю чапаралья вместо того, чтобы просто пройти через комнату и выйти через переднюю дверь. Он объяснил, что нам важно дать знать о своем присутствии. Мы наполовину обошли дом с левой стороны. Дон Хуан шел очень медленно, с трудом передвигая ноги. Трясущимися руками он держал лампу, освещая путь.

Я спросил, что с ним случилось. Подмигнув мне, он прошептал, что большая бабочка, рыскающая вокруг, ожидает свидания с молодым человеком и что шаркающая походка немощного старика была явным способом показать, с кем из нас она должна встретиться.

Когда мы наконец подошли к крыльцу, дон Хуан повесил лампу на балку, усадил меня спиной к стене, а сам сел справа.

– Мы будем сидеть здесь, – сказал он. – Пиши и говори со мной как обычно. Бабочка, которая бросилась на тебя сегодня ночью, прячется в кустах неподалеку. Через некоторое время она подойдет, чтобы взглянуть на тебя. Вот почему я повесил лампу над твоей головой. Свет поможет бабочке найти тебя. Когда она подойдет к краю кустов, то позовет тебя. Это очень специфический звук. Он сам по себе может помочь тебе.

– Что это за звук, дон Хуан?

– Это песня, навязчивый зов, который производит бабочка. Обычно его нельзя услышать, но бабочка, которая находится там, в кустах, – редкая бабочка. Ты будешь явно слышать ее зов, и, при условии, что ты будешь неуязвим, он останется с тобой до конца твоей жизни.

– Чем он мне поможет?

– Сегодня ночью ты попытаешься закончить начатое раньше. Видение приходит только тогда, когда воин способен остановить внутренний диалог. Сегодня ты своей волей остановил его там, в кустах. И ты видел. То, что ты видел, не было ясным. Ты думал, что это был человек. Я говорю, что это была бабочка. Мы оба не правы, но это потому, что нам приходится говорить. Я, однако же, имею преимущество, потому что я вижу лучше тебя и потому что знаком с объяснением магов. Поэтому я знаю, хотя и не абсолютно, что фигура, которую ты видел, была бабочкой. А сейчас молчи, ни о чем не думай и дай возможность той бабочке прийти к тебе опять.

Я едва был способен записывать. Дон Хуан засмеялся и попросил меня продолжать как ни в чем не бывало. Он взял меня за руку и сказал, что ведение записей является моим самым лучшим щитом.

– Мы никогда не говорили о бабочках, – сказал он. – Но сейчас пришло время. Как ты уже знаешь, твой дух воина не уравновешен. Чтобы уравновесить его, я научил тебя жить как подобает воину. Воин начинает с уверенности, что его дух неуравновешен, а затем, с полным осознанием, но без спешки и медлительности, он делает все лучшее для достижения этого равновесия.

В твоем случае, как и в случае с каждым человеком, твоя неуравновешенность вызвана общей суммой всех твоих поступков. К настоящему времени твой дух, кажется, готов к разговору о бабочках.

– Откуда ты это знаешь?

– Я заметил отблеск бабочки, рыскающей вокруг, когда ты приехал. Впервые она была так дружелюбна и открыта. Я видел ее и прежде в горах возле дома Хенаро, но тогда она была угрожающей фигурой, отражающей отсутствие порядка в тебе.

В этот момент я услышал странный звук. Он был похож на приглушенный треск ветвей, трущихся друг о друга, или на работу небольшого моторчика, находящегося в отдалении. Он менял тональность, создавая неуловимый ритм. Неожиданно он прекратился.

– Это была бабочка, – сказал дон Хуан. – Возможно, ты уже заметил, что, хотя свет лампы достаточно яркий, чтобы привлечь насекомых, ни одно из них не

прилетело.

Я не обращал на это внимания и только сейчас заметил невероятную тишину в пустыне вокруг дома.

– Не становись непоседливым, – сказал он. – В мире нет ничего такого, чего воин не должен принимать в расчет. Видишь ли, воин рассматривает себя как бы уже мертвым, поэтому ему нечего терять. Самое худшее с ним уже случилось, поэтому он ясен и спокоен. Если судить о нем по его поступкам, то никогда нельзя заподозрить, что он замечает все.

Слова дона Хуана, а еще больше – его настроение, повлияли на меня успокаивающе. Я сказал ему, что в своей повседневной жизни уже больше не испытываю прежнего захлестывающего страха, но теперь мое тело содрогается от испуга при одной мысли о том, что находится там, в темноте.

– Там есть только знание, – сказал он как само собой разумеющееся. – Знание пугающе, это правда. Но если воин и принимает пугающую природу знания, то он отбрасывает саму возможность ужасаться.

Странный воркующий звук раздался снова. Он казался ближе и громче. Я внимательно слушал. Чем больше внимания я ему уделял, тем труднее было определить его природу. Оттенок каждого звука был богатым и глубоким. Он не походил на крик птицы или животного. Одни звуки производились в низком ключе, другие – в высоком. Они имели особую длительность. Некоторые были протяжными. Я слышал их отдельные ноты. Другие были короткими, они сливались вместе, как звуки пулеметной очереди.

– Бабочки являются глашатаями или, лучше сказать, стражами вечности, – сказал дон Хуан после того, как звук прекратился. – По какой-то причине они являются хранителями золотой пыли вечности.

Эта метафора была мне незнакома. Я попросил объяснить ее.

– Бабочки несут пыльцу на своих крыльях, – сказал он. – Темно-золотую пыль. Эта пыль является пылью знания.

Его объяснение сделало метафору еще более смутной. Какое-то время я раздумывал, пытаюсь получше сформулировать вопрос, но он заговорил вновь.

– Знание – это особая вещь, – сказал он. – Специально для воина. Знание для воина является чем-то таким, что приходит сразу, поглощает его и проходит.

– Но какая связь между знанием и пылью на крыльях бабочки? – спросил я после длинной паузы.

– Знание приходит, летя, как крупички золотой пыли, той самой пыльцы, которая покрывает крылья бабочек, поэтому для воина знание похоже на ливень, на пребывание под дождем из крупичек темно-золотой пыли.

Как можно вежливее я заметил, что его объяснения смутили меня еще больше. Он засмеялся и заверил меня, что говорит вполне осмысленные вещи, вот только мой разум не позволяет мне чувствовать себя хорошо.

– Бабочки были близкими друзьями и помощниками магов с давних времен. Я не касался этой темы раньше, потому что ты не был к ней готов.

– Но как может пыльца на их крыльях быть знанием?

– Ты увидишь.

Положив руку на мой блокнот, он велел закрыть глаза и умолкнуть, ни о чем не думая. Он сказал, что зов бабочки из чапарала поможет мне. Если я буду внимателен к нему, то он расскажет мне о необычных вещах. Он подчеркнул, что не знает, как будет установлена связь между мной и бабочкой. Так же как не знает, каковы будут условия этой связи. Он велел мне чувствовать себя легко и уверенно и доверять своей личной силе.

Хотя я вначале беспокоился и нервничал, но добился того, чтобы начать отключать свой внутренний диалог. Мыслей постепенно становилось все меньше, пока мой ум не стал совершенно чистым. Когда я стал более спокоен, звуки в чапарале, казалось, вовсе исчезли.

Странный звук, который, по словам дона Хуана, производила бабочка, возобновился вновь. Он воспринимался как ощущение в моем теле, а не как мысль. Я понял, что он не был угрожающим. Он был милым и простым. Он почему-то напоминал ребенка и вызывал воспоминания о маленьком мальчике, которого я знал когда-то. Длинные звуки напомнили мне о его круглой белой голове, короткое стаккато звуков – о его смехе. Очень сильное чувство охватило меня, но мыслей все же не было. Я чувствовал сильную боль во всем теле. Сидеть я больше не мог и завалился на бок. Моя печаль была так велика, что я начал думать. Я взвесил свою боль и печаль и внезапно оказался в самой гуще внутренних споров о маленьком мальчике. Воркующий звук исчез. Мои глаза были закрыты. Я услышал, как дон Хуан поднялся, а затем почувствовал, что он помогает мне сесть. Говорить не хотелось. Он тоже молчал. Я услышал, что он двигается рядом со мной, и открыл глаза. Он стоял возле меня на коленях и рассматривал мое лицо, держа возле него лампу. Он велел мне положить руку на живот, поднялся, пошел на кухню и принес воды. Он плеснул мне немного в лицо, а остальное дал выпить.

Он сел рядом и подал мне мои записи. Я рассказал ему, что звук вызвал у меня очень болезненные воспоминания.

– Ты индальгируешь сверх всякой меры, – сухо сказал он. Казалось, он задумался, как бы подыскивая подходящую фразу.

– Твоя задача на сегодняшнюю ночь – видение людей, – сказал он наконец. – Сначала ты должен остановить свой внутренний диалог. Затем ты должен вызвать образ лица, которое ты захочешь увидеть. Любая мысль, которую ты удерживаешь в уме в состоянии внутреннего молчания, равносильна команде, поскольку там нет других мыслей, способных соперничать с ней. Сегодня ночью бабочка в кустах хочет помочь тебе, поэтому она будет петь для тебя. Эта песня принесет тебе золотую пыль, и ты увидишь выбранного тобой человека.

Я хотел узнать подробности, но он жестом прервал меня и велел продолжать. После нескольких минут борьбы я смог остановить внутренний диалог. Затем я произвольно задержал мысль о своем друге. Мне показалось, я закрыл глаза всего лишь на мгновение, и вдруг понял, что кто-то трясет меня за плечи. Я медленно приходил в себя. Открыв глаза, я увидел, что лежу на левом боку. Очевидно, я заснул так глубоко, что даже не заметил, как упал на землю. Дон Хуан помог мне сесть. Засмеявшись, он изобразил мое храпение и сказал, что если бы он своими глазами не видел, как это произошло, он никогда бы не

поверил, что можно так быстро заснуть. Добавив, что забавно наблюдать за мной, когда я делаю что-нибудь выходящее за рамки моего понимания, он забрал у меня блокнот и сказал, что мы должны начать все сначала.

Я прошел необходимые ступени. Вновь услышал странный воркующий звук. На это раз он исходил не из чапаралья. Он шел как бы изнутри меня, словно его издавали мои губы, руки и ноги. Звук, казалось, поглотил меня. Я чувствовал, словно какие-то мягкие шарики летели не то в меня, не то от меня. Это было успокаивающее, захватывающее ощущение, как будто тебя бомбардируют тяжелыми ватными шариками. Внезапно я услышал, как ветер распахнул дверь, и опять начал думать. Я думал о том, что испортил еще один шанс. Я открыл глаза и увидел, что нахожусь в своей комнате. Все предметы на письменном столе лежали так же, как я их оставил. Дверь была открыта, снаружи дул сильный ветер. Мне пришла в голову мысль, что нужно проверить кипятильник. Затем я услышал постукивание по окну, которое я сам закрыл и которое плохо прилегало к раме. Это был отчаянный стук, как будто кто-то хотел войти. Я ощутил приступ страха. Поднявшись с кресла, я вдруг почувствовал, что что-то тащит меня. Я закричал.

Дон Хуан тряс меня за плечи. Я возбужденно пересказывал ему свое видение. Оно было таким живым, что я все еще дрожал. Я ощущал себя так, словно только что перенесся из-за своего письменного стола во плоти и крови.

Дон Хуан с недоверием покачал головой и сказал, что я просто гений в том, как я себя дурачу. Его, казалось, не впечатлило то, что я сделал. Он просто отказался обсуждать это и велел мне смотреть вновь.

Опять я слышал мистический звук. Он приходил ко мне, как сказал дон Хуан, в виде дождя золотых крупинок. Я не ощущал, чтобы это были плоские пластинки или чешуйки, как он их описывал, а скорее как сферические пузырьки, и они плыли ко мне. Один из них разорвался перед моими глазами и раскрылся, открывая странный предмет. Он был похож на гриб. Я смотрел на него, и это явно не было сном. Грибовидный предмет оставался неизменным в поле моего «зрения», а затем подскочил, как если бы свет, который заливал его, был выключен. Наступила темнота. Я ощутил дрожь, очень неприятный толчок, а затем внезапно понял, что меня трясут. Чувства мои сразу же включились. Дон Хуан сильно тряс меня, а я смотрел на него. Должно быть, в этот момент я только что открыл глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Indulge (англ.) – быть снисходительным, потворствовать, потакать себе, оправдывать и т. п. Термин сохранен в связи с его огромной емкостью и невозможностью точного перевода.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/karlos-sezar-arana-kastaneda/skazki-o-sile>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)